

5. Ryaguzova, L. N. *Tvorchestvo A. A. Shishkova (problematika i esteticheskie vozzreniya)* (The Creative Work of Alexander Shishkov (problems and esthetic views)), *Cand. Sc. (Philology) Dissertation*, Moscow, 1994.

6. *Teleskop*, 1831, Vol. 3, no. 11.

7. *Teleskop*, 1831, Vol. 3.

8. *Teleskop*, 1832, Vol. 10, no. 14. pp. 192–211

9. *Teleskop*, 1833, Vol. 16, no. 15.

10. Shaduri, V., *Drug Pushkina A. A. Shishkov i ego roman o Gruzii* (Alexander Shishkov, the Friend of Alexander Pushkin and His Novell about Georgia). Tbilisi, 1951.

11. Shishkov, A. A. *Vostochnaya lyutnya* (Eastern Lute), St. Petersburg, 1824.

12. Shishkov, A. A. *Ketevana, ili Gruzziya v 1812 godu* (Ketevana or Georgia in 1812), in *Sochineniya i perevody kapitana A. A. Shishkova*, 4 vols., Vol. 3, St. Petersburg, 1835.

13. Shishkov, A. A. *Opyty* (Experiences), St. Petersburg, 1828.

Е. Ю. Третьякова¹,
О. В. Спачиль²

«НИКТО ЕЩЕ НЕ ПИСАЛ У НАС ТАКОЮ ПРАВИЛЬНОЮ, ПРЕКРАСНОЮ И БЛАГОУХАННОЮ ПРОЗОЮ»: «ТАМАНЬ» М.Ю. ЛЕРМОНТОВА КАК ЭТАЛОННЫЙ ОБРАЗЕЦ РУССКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Обобщая отзывы о выдающихся достоинствах лермонтовской «Тамани», оставленные многими отечественными мастерами слова (Н. В. Гоголь, Д. В. Григорович, В. Г. Белинский, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, И. А. Бунин, А. Н. Толстой, Н. С. Тихонов), авторы исследуют эпическую природу романа «Герой нашего времени». Тем самым поднят вопрос о необходимости воспитывать (активно возрождать) эпическое восприятие мира у современных носителей русского языка. Показана возможность на материале

¹ ТРЕТЬЯКОВА Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков и литературы Краснодарского государственного университета культуры и искусств, Краснодар, Россия. Электронная почта: drevo_rechi@mail.ru.

² СПАЧИЛЬ Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия. Электронная почта: spachil.olgao@gmail.com.

«Тамани» как одного из эталонных хрестоматийных текстов разъяснить в рамках освоения школьных и вузовских курсов литературы эпическую природу русской языковой ментальности.

Ключевые слова: повесть М. Ю. Лермонтова «Тамань», пушкинская традиция, эпический текст русской литературы.

Н. В. Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1846) – книге, которую по праву считают его духовным завещанием, высоко оценил вклад Лермонтова в совершенствование литературного языка. «Никто еще не писал у нас такую правильную, прекрасную и благоуханную прозою», – сказал создатель поэмы «Мертвые души» в одном из важнейших разделов своей исповедальной книги – разделе XXXI «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность», куда включен подробный, на просторном историко-литературном фоне выстроенный разговор о самобытных свойствах русской художественной мысли [5, с. 370–410]. Изложенные там идеи примечательны в первую очередь тем, что Гоголь объясняет поэзию как таинство эпического восприятия жизни – единое свойство книжной православной средневековой мудрости и продолжающейся преемственности с нею в более поздние времена. В этом смысле суть понятия *поэзия* вовсе не касается различий между стихотворным / нестихотворным повествованием. Стих это или проза – особенной роли не играет, поскольку таинство поэзии заключено в преодолении внешних признаков (формы высказывания), в духовном взлете к единству, где слиты все отзвуки, все грани народного понимания мира. Такова в высшей степени важная, ощутимо действующая в православной книжности, в фольклоре и в лучших творениях представителей отечественной литературы нераздельная слитность – духовный стержень многовековой жизни национального языка. Действие (излучение духовной энергии) этой основы Гоголь передает словом *благоухание*.

Аромат вдыхают как неразложимое целое, он – эманация божественных начал. Его исток и саму природу поэтического дара Гоголь объяснил на примере пушкинского служения святыне красоты: «Даже и в те поры, когда метался он сам в чаду страстей, поэзия была для него святыня, – точно какой-то храм. Не входил он туда неопрятный и неприбранный; ничего

не вносил он туда необдуманного, опрометчивого из собственной жизни своей; не вошла туда нагишом растрепанная действительность. А между тем все там до единого есть история его самого. Но это ни для кого незримо. Читатель услышал одно только благоуханье; но какие вещества перегорели в груди поэта затем, чтобы издать это благоуханье, того никто не может услышать <...> Какая точность во всяком слове! Какая значительность всякого выраженья! Как все округлено, окончено и замкнуто!» [5, с. 383–384]. Для выработки национального литературного языка нужны не только совершенные стихотворные тексты, но и проза – эталонные образцы речевой культуры и традиции, выработанной самобытным складом (Пушкин говорил – «физиономией») мыслительной способности народа. В решительном повороте зрелого Пушкина к прозе Гоголь справедливо видел наивысшую ступень духовного трезвения поэта: «Он бросил стихи единственно затем, чтобы не увлечься ничем по сторонам и быть проще в описаньях, и самую прозу упростил <...> Сравнительно с Капитанской дочкой все наши романы и повести кажутся приторной размазней. Чистота и безыскусственность возшли в ней на такую высокую степень, что сама действительность кажется перед нею искусственной и карикатурной <...> все – не только самая правда, но еще как бы лучше ее. Так оно и быть должно: на то и призванье поэта, чтобы из нас же взять нас и нас же возвратить нам в очищенном и лучшем виде» [5, с. 385].

То же сказано и относительно творческой эволюции Лермонтова: «Готовился будущий великий живописец русского быта... Но внезапная смерть вдруг его унесла» [5, с. 402]. Находя в повестях Лермонтова «больше углубленья в действительность жизни», Гоголь ставил его стихи гораздо ниже прозы, поскольку в них сильна субъективная несвобода от смутных чувств и терзаний, налагаемых властью сил демонических. «Безрадостные встречи, беспечальные расставанья, странные, бессмысленные любовные узы, неизвестно зачем заключаемые и неизвестно зачем разрываемые, стали предметом стихов его и подали случай Жуковскому весьма верно определить существо этой поэзии словом *безочарование*» [5, с. 402]. Однако подчеркивал, что по душе Лермонтов был не холоден. Холодность – сама по себе отпечаток порабощения, болезнь духа. Она

рождена беспочвенным культурным окружением: «Попавши с самого начала в круг того общества, которое справедливо можно было назвать временным и переходным, которое, как бедное растение, сорвавшееся с родной почвы, осуждено было безрадостно носиться по степям, слыша само, что не прирасти ему ни к какой другой почве и его жребий – завянуть и пропасть, – он уже с ранних пор стал выражать то раздирающее сердце равнодушие ко всему, которое не слышалось еще ни у одного из наших поэтов» [5, с. 403]. За «раздирающим сердце равнодушием ко всему» у Лермонтова, пронизательно настаивал Гоголь, сказываются не признаки разложения личности, а предпосылки абсолютной цельности души. Поэтом руководил абсолютный слух к истине. Истине, диктующей категорический отказ от любых подделок, которыми опутывает цивилизация. Люди погружены в «омут светских отношений», обязаны участвовать в установленном распорядке действий по «казенной надобности», привыкли подражать (одни рабски следуют идеям европейских «властителей умов», другие – моде на байронический сплин, перечеркнувший просвещенческие иллюзии). «Как некогда с легкой руки Шиллера пронеслось было по всему свету *очарование* и стало модным, как потом с тяжелой руки Байрона пошло в ход *разочарование*, порожденное, может быть, излишним очарованием, и стало также на время модным, так наконец пришла очередь и *безочарованию*, родному детищу байроновского разочарования. Существование его, разумеется, было кратковременней всех прочих, потому что в безочаровании ровно нет никакой приманки ни для кого» [5, с. 402–403].

Человек истово и самоотверженно взыскующий цельности духа, но более Лермонтова поживший, Гоголь стремился открыть современникам глаза на бессмысленность эволюции европеизированного общества: от внутренне пустых поддельных форм «общепринятого» лежит путь к разочарованию (романтическое неприятие, скепсис и бичевание, раздраженная критика этих форм), заканчивающийся невозможностью во что-либо верить. Словами «Существование его, разумеется, было кратковременней всех прочих, потому что в безочаровании ровно нет никакой приманки ни для кого» озаменована не остановка, а выход из пустоты. Для автора «Выбранных мест...» было абсолютно очевидно, что Лермонтов помогает сбросить

плен байронизма: до дна, до последней точки постичь ничтожество, «неприманчивость» детищ моды на разочарование.

Михаил Юрьевич Лермонтов оказал современникам ценнейшую услугу. Всесторонне изучил безочарование изнутри, ведя «журнал» (дневник) безочарованного субъекта. Одновременно нарисовал этого субъекта со стороны. Причем, глазами двух принципиально разных людей. Во-первых, глазами Максима Максимыча. Этот бывалый «кавказец» всю жизнь тянет военную лямку. Опытный солдат и добрый человек, он душевно привязался к Печорину, даже полюбил его в бытность сослуживцами и приятелями (повесть «Бэла»). Во-вторых, Печорин показан глазами странствующего офицера, случайного свидетеля встречи этих бывших сослуживцев (повесть «Максим Максимыч»). У нас будет еще возможность поговорить, как сконцентрированы в одном романном зеркале внутренние / внешние симптомы загадочной «болезни времени», которую Василий Андреевич Жуковский обозначил словом *безочарование*. Тогда мы покажем, что эпическое разрешение связанных с этой болезнью проблем дает возможность не абстрагироваться от недуга, а исследовать его симптомы в себе. Но при таком самоисследовании не заразиться, не увязнуть в рефлексии, а защитить душу от ее разъедающего воздействия.

Пока что отметим другое. Сформулированные Гоголем онтологически правильные послышки относительно полноты Добра и внутренней пустоты, которую пытаются заполнить разъедающие слабый ум и нестойкое сердце призраки зла, показались наивными не только публицистам западнического толка (критикам из «Отечественных записок» и некрасовского «Современника»), но даже славянофилам, не на шутку ополчившимся против «Выбранных мест из переписки с друзьями». Пожалуй, один Петр Андреевич Вяземский в некрологе Языкову, опубликованном зимой 1847 года и в статье «Взгляд на литературу нашу в десятилетие со смерти Пушкина» (1847), заступился за христианский настрой книги-исповеди, написанной Гоголем в свете высших мер ответственности за печатное слово и, по сути, уже в предчувствии близкой собственной смерти [Об этом см.: 18].

С дистанции полутора-двух сотен лет, отделяющих нас от той эпохи, стало видно, что Гоголь понимал природу эпического и формулировал миссию литературы основательнее Белин-

ского. И что с конца 1840-х по настоящую пору первоначальные характеристики прозы Лермонтова, данные в «Выбранных местах...» и других источниках (включая статью Белинского о «Герое нашего времени» и его цикл «Сочинения Александра Пушкина»), много раз пересказывались, перемешивались, из десятилетия в десятилетие повторялись. К примерам довольно удачного пересказа мы бы отнесли речь, подготовленную А. Н. Толстым к торжественному заседанию, посвященному памяти М.Ю. Лермонтова (15 октября 1939 года).

«Лермонтов-прозаик – это чудо, это то, к чему мы сейчас, через сто лет, должны стремиться, должны изучать лермонтовскую прозу, должны воспринимать ее как истоки великой русской прозаической литературы <...> в пяти повестях <...> связанных единым внутренним сюжетом – раскрытием образа Печорина, героя времени, продукта страшной эпохи, опустошенного, жестокого, ненужного человека, со скукой проходящего среди величественной природы и простых, прекрасных, чистых сердцем людей, – Лермонтов в пяти этих повестях раскрывает перед нами совершенство реального, мудрого, высокого по стилю и восхитительно благоуханного искусства.

Читаешь и чувствуешь: здесь все – не больше и не меньше того, что нужно и как можно сказать. Это глубоко и человечно. Эту прозу мог создать только русский язык, вызванный гением к высшему творчеству. Из этой прозы – и Тургенев, и Гончаров, и Достоевский, и Лев Толстой, и Чехов. Вся великая река русского романа растекается из этого прозрачного источника, зачатого на снежных вершинах Кавказа» [17, с. 427-428].

Однако не каждый школьный учитель пересказывает как Алексей Николаевич Толстой. Наша школьная и вузовская практика строится в опоре на социологический (в лучшем случае – с элементами психологического) [10] и, в последние два-три десятилетия, – структурно-семиотический анализ текстов. Этот путь, по которому мы пришли к острому кризису культурно-языковой ситуации, провоцировал наплыв тенденций, разрушающих русский язык. Структурная семиотика, «первая ласточка» постмодернистской игры с текстами, предложила новую терминологию (прецедентный текст, интертекстуальность

и проч.)¹ и герменевтический подход², усиливающий позиции схоластики. Достаточно тревожным симптомом, связанным как с «усреднением» профессиональной подготовки педагогических кадров, так и с общим падением уровня популярных педагогических изданий наподобие журнала «Первое сентября», выглядит электронная публикация открытого урока по повести «Тамань» на официальном сайте Всероссийского Фестиваля педагогических идей «Открытый урок»³.

Все в этой методической разработке (автор – учитель русского языка и литературы Татьяна Владимировна Морозова), начиная от эпиграфа «Я думал: жалкий человек. / Чего он хочет...» и заканчивая комментариями учителя, странным образом расходится с заявленной целью урока: «Учить анализировать эпизоды прозаического текста; прививать любовь к русской классике». Комментирующие заметки педагога составлены суконным языком и если чем поражают – то обилием фактических и речевых ошибок (отметим их курсивом), а также орфографических погрешностей (исправления даны в квадратных скобках). Судите сами:

«В Тамани поэт встретился с казачкою, принявшей его за тайного агента, *желавшего раскрыть контрабандистов*. Этот эпизод послужил поэту темой для повести “Тамань”.

Встреча слепого и Янко. Прочитаем отрывок: “Между тем моя ундина вскочила в лодку...” до слов: “... и, как камень, едва сам не пошел ко дну!”. *Что вызывает в герое наблюдение за встречей слепого и Янко?* (Грусть, способность сострадать горю. Печорину жаль обманутого мальчика, он понимает, что спугнул “честных контрабандистов”, жизнь их теперь изменится.

¹ Прецедентные тексты определены Ю.Н. Карауловым как тексты, «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [7, с. 216].

² Примером такого рода работ может служить статья А. Жолковского о семиотике «Тамани» [6].

³ Всероссийский Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://festival.1september.ru/articles/618151/>. (дата обращения: 25.05.14).

Наблюдая за плачущим мальчиком, он понимает, что *также* [так же?] одинок. Впервые на протяжении всей повести у него возникает ощущение единства чувств, переживаний, судеб.)

– Но и слепой мальчик – не идеальный персонаж, а зараженный пороками маленький себялюбец. Именно он обокрал Печорина.

Романтический мотив с ундиной обнаруживает внутреннюю слабость героя, его неспособность к простой, полной *опасности* [опасностей?] жизни. Интеллектуальный, цивилизованный герой теряет свои преимущества перед простыми людьми и не допускается в их среду. Он лишь способен завидовать отваге, ловкости их и горько сожалеть о неотвратимой гибели естественного мира. Печорин с его глубоким умом *лучше*, [запятая не нужна] *чем кто-нибудь другой* понимает *не возможность* [невозможность] обретения в среде “честных контрабандистов” той полноты жизни, красоты и счастья, которых так жаждет его мечтающая душа».

Да зачем же с такой неуклюжей однобокостью и резкостью суждений вторгаться в лермонтовский текст? Сколько не тычь жесткой указкой в воду или в облако, ничего от этого не изменится. Вода останется водой, облако облаком, а обструганная палка была и будет голой обструганной палкой. При подобном объяснении и анализировать эпизоды прозаического текста не научишь, и любовь к русской классике не привьешь. Тут каждая фраза педагога кривится и падает под грузом лживого пафоса и разного рода неправд.

Эпический текст вообще надо комментировать не однобоко, ведь эпос вмещает смысл жизни особым образом – молчаливо охватывает его весь, открывает не одну сторону, а смысл целиком, в единстве, полноте и нераздельности любых его сторон. Так чаша высокогорного озера принимает в себя воду окрестных рек и подземных ручьев, так лоно облака вбирает летучий сонм небесных паров – перед созерцателем в буквальном смысле *вся небесная влага*, как на ладони *весь простор вод* долины или ущелья между гор.

Эпическое повествование инициирует общение, полное взаимопонимания и доверия к жизни. В мудром общении о ней на равных задействованы рассказчик (сказитель), все персонажи (не только люди, но и целиком одушевленные

стихии, животные, растения, предметы), читатели (или слушатели изустно передаваемого). В каждом моменте повествования словесно реализуется лишь некоторая сравнительно малая часть предмета беседы, однако в сюжете витают (не проговариваемые, молчаливо учитываемые и абсолютно ясно видные собеседникам) попутные смыслы: эпос неизменно и верно служит пониманию *всей жизни* как таковой.

«Таманью» как идеальным образцом совершеннейшей прозы, где нет ни одного лишнего слова, восхищались Тургенев, Лев Толстой, Чехов, Бунин, Николай Тихонов. Талантливые читатели, они учились у Лермонтова писать, транслируя эпический смысл (что и помогло им достичь зрелого словесного мастерства, самим стать классиками отечественной литературы). Можно уверенно сказать: без читателей, полномерно усвоивших эпическую языковую традицию своего народа, традиция живого языка прерывается, гаснет. Когда поколения утратили эпическое языковое чутье, массив фольклорных и литературных (авторских) эпических текстов сиротеет в одиночестве – не остается ничего *другого* как ожидать, когда вырастут и воспитаются новые полноценные носители, продолжатели жизни родного языка... В тысячелетиях бывало и так, что народы «разнарождались в бессмысленную толпу» (выражение Андрея Платонова), сходили с арены истории, однако эпические предания жили дольше их: мед мудрости переходил к носителям иных культур и языков. Все это обязаны, в силу избранной профессии, понимать и ответственно нести ученикам педагоги – школьные учителя, преподаватели вузов. Вне должного уровня осознания данной проблемы трудно справиться с кризисом и устремить совокупные усилия работников сферы образования, просвещения к возрождению сил родной культуры и языка. Вот почему мы заострили внимание на этом стратегическом моменте.

Теперь продолжим разбор уже отчасти процитированного открытого урока по повести «Тамань».

Ни сам Печорин, ни люди, с которыми столкнуло его короткое приключение на скалистом таманском берегу, ни в коем случае не примитивны, не пусты и не слабы. Другое дело, что из выведенных в повести характеров ни один не перешагивает за черту самости. Мир «честных контрабандистов» и мир «офицера, следующего по казенной надобности» сопри-

касаются лишь мгновенным образом: так сталкиваются и разлетаются круглые костяные шары. И граница, оберегающая тайну каждого человека как самоценной Богом созданной личности, остается стоять нерушимо.

Это тоже свойство эпоса – как род повествования он не подвластен субъективности. Субъективность узка, а жизнь – поток широкий. Бесчисленное переплетение характеров и судеб, всю ткань жизни не продернешь, как одну нитку, через игольное ушко. Тут излишни ярлыки и раскрой по жесткому лекалу. Учитель явно проиграет в глазах большинства своих подопечных, как только они сами прочтут текст лермонтовской повести. Это без лишних слов убедит их, что напрасно педагог морализировал насчет слепого мальчика, ругал его за то, что этот «зараженный пороками корыстный себялюбец» далеко не «идеальный персонаж» и обокрал Печорина «именно он».

Узел с вещами обворованного постояльца – такая же закономерность объективного хода событий, как и желание утопить непрошенного гостя из-за боязни, что он «все слышал» и «может донести». Ундина, старуха, слепой, Янко – каждый действует вполне естественным для него образом. Ни к чему перечеркивать их самостоятельные – не людьми, а самим Богом положенные этим персонажам пути. Иначе не родится катарсис, удивительно полное и целостное чувство свободы, простора жизни.

Приведенный нами текст разработки урока соответствует второй половине занятия. Первая половина, тоже небрежно составленная и малосодержательная, чужда глубокому пониманию предмета и далека от щедрых богатств русской речи. Ученикам навязывают иной образец – куцую манеру эклектичных справок из Википедии:

«В глубокой древности здесь был большой древнегреческий город Гермонасса, а в X–XI вв. город Тмутаракань. С XV в. Полуостров находился под властью Турции, построившей здесь крепость Таман, что в переводе означает болото.

Во времена Лермонтова из Тамани шел почтовый тракт не Екатеринодар, ныне Краснодар, а оттуда на Ставрополь, центр Северного Кавказа. Тамань входила в черту военной черноморской береговой линии: близ Тамани находилась небольшая крепость Фанагория, построенная в 1792 году А.В. Суворовым. В 1820 году через Тамань проезжал Пушкин».

Остановимся, чтобы задать два вопроса: почему учитель не воспользовался лучшим материалом, и каким образом столь беспомощные во всех смыслах методические разработки депонированы на сайте, рекомендующем себя стратегическим партнером издательства «Просвещение»?

Не лучше ли было отобрать для интернет-публикации более удачную разработку урока по повести «Тамань», соответствующую качествам хрестоматийных текстов русской литературы? Совершенство первой части «Журнала Печорина» признавали самые именитые мастера слова. Кроме уже названных (И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, И. А. Бунин, Н. С. Тихонов, А. Н. Толстой), можно назвать Д. В. Григоровича, В. Г. Белинского, А. М. Горького, «Тамань» открыла многое истинно прекрасное в наследии Серебряного века и литературы советского периода. Ряд с перечислением творческих заимствований можно длить и длить. Но именно Гоголь первым всенародно произнес ключевые слова о пушкинской и лермонтовской прозе как о самораскрытии глубинной эпической природы языка, возрождающем и крепящем стержень русской православной ментальности.

Что касается географии, то педагоги (особенно кубанские) могли бы обогатить состав урока сведениями о том, что действие повести «Тамань» и рассказа А. П. Чехова «Воры» (1890) происходит приблизительно на одной территории¹. В середине XIX века

¹ Изучение темы «Повесть “Тамань” как литературная предшественница рассказа “Воры”» целесообразно отнести к более поздним этапам освоения дисциплины «Русская литература XIX века», непосредственно раскрывающим творческий путь А. П. Чехова.

Источником материала могут служить труды М. П. Бицилли, который со ссылкой на М. А. Осоргина пишет: «Следует отметить еще чеховский рассказ “Воры”, представляющий собой явную переработку “Тамани”: и там и здесь девушка, участница шайки, занимающейся преступным промыслом, соблазняет случайно остановившегося у них на ночлег путника, для того чтобы дать возможность своим сообщникам выполнить то, что они затеяли» [4, с. 227]. При анализе интертекстуальных связей Л. А. Полякевич подчеркнул: отечественные исследователи единодушны в том, что тема личной свободы и индивидуальной моральной ответственности, поднимаемой в «Тамани», чувствуется и в «Ворах» [12, с. 374–386]. Аналогичный вывод делает и Д. Рейфилд, говоря о «Ворах» как о рассказе, где А.П. Чехов размышляет об отважной, но аморальной свободе конокрадов и романтической безответственности [21, р. 95].

Таганрог воспринимался кубанцами как крайняя точка России, отделенная от Ейской косы двумя десятками километров, которые нетрудно преодолеть на лодке по заливу. Тарас Шевченко писал 26 сентября 1844 года из Петербурга своему кубанскому приятелю Якову Кухаренко: «Я на то лето буду в Таганроге, напиши, будь добр, как там найти шлях к тебе, вот наболтаемся!» [8, с. 108]. «Из Таганрога, – отвечал Кухаренко, – две дороги на нашу Украину, первая: прямо через море байдаками на Ейскую косу, о чем я уже писал тебе; вторая из Ростова на Кущевку (140 верст)» [11, с. 72].

Все детство и юность Антон Павлович Чехов и его братья могли визуально наблюдать противоположный берег Таганрогского залива, что само по себе пробуждало особый интерес к повести «Тамань». В письме от 14 октября 1878 года старший брат Александр, тогда уже студент Московского университета, наставлял Антона на предмет первых проб пера: «Познакомься поближе с литературой, иззубри Лермонтова и немецких писателей, Гете, Гейне и Рюккерта, насколько они доступны в переводах, и тогда твори» [3, с. 283]. Через восемь лет, когда уже увидели свет рассказы Антоши Чехонте, Чехов получил другое письмо с советом учиться у Лермонтова. На сей раз совет исходил от Д. В. Григоровича. Приветствуя «новый литературный талант», маститый писатель, между прочим, дал наставление, перефразирующе гоголевскую мысль о благоуханной прозе: «Если к свойствам Вашего таланта не подходят повесть или роман, – пишите мелкие рассказы, но обделывайте их до тонкости <...> Перед вами сто гряд, засеянных фиалками; художественная задача в том, чтобы в одном небольшом флаконе сосредоточить фиалковый запах этих ста гряд. Образец повести, по-моему, “Тамань” Лермонтова. Пусть все литераторы соберутся, и ни один не найдет слова, которое можно было бы прибавить или убавить; они все, как цельный музыкальный аккорд» [19, с. 429–430].

О том, что М. Ю. Лермонтов и его «Тамань» навсегда остались для А. П. Чехова непревзойденным образцом, читаем в его переписке и в воспоминаниях современников – Щукина, Сереброва [Сведения об этом см.: 9, с. 614–615 (автор словарн. ст. В. В. Основин); 2, с. 439–441 (автор словарн. ст. А.И. Журавлева)]. «Больше всего, А<нтон> П<авлович> хвалил язык Лермонтова. “Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова, – говорил он не раз. – Я бы так сделал: взял его рассказ и разбирал

бы, как разбирают в школах, по предложениям, по частям предложения... Так бы и учился писать”», – свидетельствовал С. Н. Щукин [20, с. 462]. Всем памятно и высказывание, сохраненное для нас И.А. Буниным: «Не могу понять, – говорил Чехов о “Тамани” Лермонтова, – как мог он, будучи мальчиком, сделать это! Вот бы написать такую вещь да еще водевиль хороший, тогда бы и умереть можно» [20, с. 462].

Примечательно, что один из главных персонажей чеховского рассказа «Воры» фельдшер Ергунов носит ту же фамилию, что и близкий ему по типу герой тургеневского рассказа «История лейтенанта Ергунова» (1868). Развитие этого звена прототипических связей прослежено в работах одного из соавторов данной статьи [15; 16].

И. С. Тургеневу принадлежит следующее замечание о «Тамани», записанное А. Луканиной: «Из Пушкина целиком выработался Лермонтов, та же сжатость, точность и простота. Но у Лермонтова кое-где проглядывает рисовка, он как будто красуется <...> В “Княжне Мэри” есть точно отголосок французской манеры. Зато какая прелесть “Тамань”!» [1, с. 54]. В данном высказывании виден след гоголевской оценки вершин русской прозы, тех ее лучших образцов, о которых он писал в упомянутом нами XXXI разделе «Выбранных мест...». Тургенев изрек квинтэссенцию – краткое, предельно точное изложение идеи о Лермонтове как преемнике и продолжателе художественных открытий Пушкина. Пересказ идеи сосредоточен исключительно на прозе, причем главное отличие «Тамани» – ее неевропейская самобытность, оттеняется замечанием о несамобытной манере другой части «Журнала Печорина».

Тургенев, как видим, подметил, что манера письма в «Журнале Печорина» не едина. С опорой на это очень существенное наблюдение мы, педагоги с немалым стажем и опытом преподавания литературы, и рекомендовали бы строить объяснение того, как возникает и действует эпическая доминанта в «Герое нашего времени». Целесообразно разъяснить ученикам, что эпос как род литературы не равен лирике и драме. Он родился раньше них и способен поглощать лирические струи и драматические потоки событий, как озеро поглощает втекающие в него ручейки и реки. Лирика, драма могут (особенно в автор-

ской литературе) существовать как отдельные литературные роды. Однако в составе эпоса все опять становится огромным зеркалом озерной глади, а не отдельными ручьями и речками. Лермонтов с наступлением к концу 1830-х его творческой зрелости научился показывать человека одновременно и глазами сторонних людей, и изнутри – в процессе самоисследования героя. На протяжении ряда этапов данного процесса – от Печорина времен «Тамани» и «Фаталиста» до Печорина времен «Бэлы» и «Княжны Мери» – Григорий Александрович меняется отнюдь не в лучшую сторону, однако обнаруживая в себе холодного эгоиста, все более строго судит свой безнадежный эгоизм¹.

Каким образом цепочка повестей превращается в эпическую повествовательную конструкцию, где при всем лиризме и драматизме отображения, все участки действительности охвачены эпическим целым? Дело в том, что конструктивные детали романа «Герой нашего времени» удвоены, у каждого образа есть своя обратная ипостась (покорившаяся любви дикарка Бэла имеет противоположностью непокорную Ундину; похожи и непохожи друг на друга светски воспитанные Мери и Вера; Грушницкий – изнанка Печорина и т.п.). Удвоение то и дело обретает новые и новые грани (Бэла, дочь «мирного князя», значит, тоже княжна, как и Мери; Вера замужем за родственником княгини Лиговской и пр.), чтобы, благодаря множественной переключке, воссоздать жизнь как оболочку «шара». Все входящие в повествование смыслы укладываются не хаотично, между ними – та самая двухконечная стрелка

¹ Воздействие байронизма на русских читателей 1820–1830-х годов опередило все прежние влияния западноевропейской литературы, однако распенивалось, например, Пушкиным (напомним его рифму унылый романтизм / безнадежный эгоизм) как нездоровое. Поэта всерьез заботила возможность освободить Онегина из оков «английского сплина». Листая книги, которые читал Онегин, Татьяна тревожно спрашивает себя: «Что ж он? Ужели подражанье, / Ничтожный призрак, иль еще / Москвич в Гарольдовом плаще, / Чужих причуд истолкованье, / Слов модных полный лексикон?.. / Уж не пародия ли он?». И слово москвич в данном случае означает `русский`, а слово плащ – даже не `одежду`, а внешний покров, которым можно картинно драпировать плечи. Но для душевно близких, любящих и желающих понять друг друга людей этот покров – лишняя преграда, лучше смахнуть его как тень.

компаса, а значит, незримо присутствует и середина, центр крепления стрелки. В этой-то сердцевине, которую обстоют различные события жизни, по-своему, согласно собственному сердцу каждого, принимаемые Максимом Максимычем, проезжим офицером и Григорием Печориным, именно у Печорина постепенно все более явственно проступает некая не через слова уловленная *область пустоты* – то безочарование, которым болен автор «Журнала», рефлектирующий персонаж по имени Григорий Александрович Печорин.

Лермонтов применяет к ничем не заполненной (и тем более всего неприятной) пустоте слово *болезнь*: «Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить – это уж Бог знает», Гоголь и Жуковский – слово *безочарование*. Как носители православной традиции, они придерживаются тезиса: грех отдельно, а человек отдельно. Именно так и получается при эпическом изображении жизни, достигнутом в «Герое нашего времени» через взаимодействие двух ипостасей ключевого образа (Печорин) и раздвоение ведущего нарративного приема (наличие повествователя).

Повествователей два. И хотя оба они светские образованные офицеры, следующие на южную границу России и далее на Кавказ «по казенной надобности», разница между ними огромна, как расстояние между началом и концом жизни.

Повествователь «Бэлы», «Максим Максимыча» справедливо возражает огорченному Печориным старому штабс-капитану, когда тот в отчаянии говорит: «Где нам, необразованным старикам, за вами гоняться!.. Вы молодежь светская, гордая: еще пока здесь, под черкесскими пулями, так вы туда-сюда... а после встретишься, так стыдитесь и руку протянуть нашему брату. – Я не заслужил этих упреков...».

Случайный свидетель эпизода, задевшего Максима Максимыча горькой обидой (тот не ожидал от Григория Александровича холодного равнодушия к прошлой их жизни и к запечатлевшим ее бумагам), выпрашивает себе бумаги Печорина: старому штабс-капитану они теперь не нужны – разве что навертеть из них патроны. Новый хранитель записок позже узнает, что Печорин умер на обратной дороге из Персии. И, как сказано в предисловии к «Журналу Печорина», решается опубликовать записки человека, так мало ценившего что-либо

в собственной и в чужой жизни. При этом нельзя забывать, что проезжий офицер не пожелал «поставить свое имя над чужим произведением».

Итак, записки («Журнал») Печорина ему *чужие*? Это не совсем правильный вывод, ведь Печорин полярно противоположен себе самому: в нем два человека, далекие друг от друга как две оконечности стрелки компаса. Есть Печорин «Тамани» – искренне открытый новым и необычным для него впечатлениям только начавшейся дороги. И есть другой Печорин – запутавшийся в своей конфронтации с «водяным обществом», повинный в смерти украденной им горской девушки, в гибели ее отца и брата, но ни с кем (и уж тем более с Максимом Максимычем) не желающий обсуждать свои переживания по поводу вины.

Перед Печориным «Тамани» еще распахнут простор путей. Молодой путешественник полон свободного, жгучего интереса к любому повороту событий. Он чувствует и действует непредвзято и ничем не сковывает действия и свободу других. Тут каждое слово привольно льющегося повествования дышит этой свободой, органичной как аромат степных трав.

Снова вернемся к тургеневскому высказыванию о «Тамани»: «...Какая прелесть “Тамань”!», чтобы поставить его рядом с восторженным отзывом Пушкина о русских сказках, которые он с детства знал от Арины Родионовны и во время Михайловской ссылки записал с ее слов. «Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма» [14, с. 135]. Письмо Александра Сергеевича к брату Льву, датированное первой половиной ноября 1824 года, отражает пушкинский подход к феномену поэтического.

Гоголь целиком придерживался такого же подхода, что заметно из начальных тезисов раздела о «существо» и «особенности» русской поэзии: «Несмотря на внешние признаки подражания, в нашей поэзии есть очень много своего. Самородный ключ ее уже бил в груди народа тогда, как самое имя еще не было ни на чьих устах. Струи его пробиваются в наших песнях, в которых мало привязанности к жизни и ее предметам, но много привязанности к какому-то безграничному разгулу, к стремлению как бы унести куда-то вместе с звуками. Струи его пробиваются в пословицах наших, в которых видна необыкновенная полнота народного ума, умевшего сделать

все своим орудием: иронию, насмешку, наглядность, меткость живописного соображенья, чтобы составить животрепещущее слово, которое пронимает насквозь природу русского человека, задирая за все ее живое. Струи его пробиваются, наконец, в самом слове церковных пастырей, – слове простом, некрасноречивом, но замечательном по стремлению стать на высоту того святого бесстрастия, на которую определено взойти христианину, по стремлению направить человека не к увлечениям сердечным, но к высшей, умной трезвости духовной. Все это пророчило для нашей поэзии какое-то другим народам неведомое, своеобразное и самобытное развитие» [5, с. 370].

Наиболее совершенные феномены художественной речи подтверждают эпическую природу русской ментальности. Источники ее, лучшие проводники национального самосознания, ценны тем, что под прозрачным как зеркало горных озер покровом быют чистые струи родников. Подобно этим невидимым ключам в каждом из нас действуют наши собственные глубочайшие, неповторимые ощущения. Они даруют чувство полноты мира и субъективно вняты нам в той мере, в какой мы сами принадлежим неуправляемой никем отдельно органической жизни родного языка.

Вот тайна, тем более завораживающая, что суть прозрачна и доступна, будто положена прямо на ладонь. От притяжения сквозящей глубины не уйти. И ты, даже если не умеешь плавать, – плывешь. Каким-то чудом не тонешь в предопределенности людских характеров и смешении судеб, когда перед тобой раскрыты страницы короткой, простой и бездонно глубокой повести «Тамань».

Использованная литература:

1. А. Л. [Луканина А.] Мое знакомство с Тургеневым. Записи 1878–1883 гг. // Северный вестник. 1887. № 2. С. 54.
2. А. П. Чехов. Энциклопедия / сост. и науч. ред. В. Б. Ка-таев. М.: Просвещение, 2011.
3. Александр и Антон Чеховы: воспоминания, переписка. М.: Захаров, 2012.
4. Бицилли П. М. Творчество Чехова // Трагедия русской культуры: исследования, статьи, рецензии. М.: Русский путь, 2000. С. 204–417.
5. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. С. 370–410.

6. Жолковский А. К. Семиотика «Тамани». [Электронный ресурс]. URL: <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/book/bluzh/taman.htm>. (дата обращения 25.05.14).
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
8. Кухаренко Я. Г. Переписка с современниками // Родная Кубань. 1999. № 3. С. 104–114.
9. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Советская энциклопедия, 1981.
10. Леушева С. И. Лермонтов и Л. Толстой [Электронный ресурс] // Фундаментальная электронная библиотека «Русская Литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/tvl/tvl-395-.htm>. (дата обращения 25.05.14).
11. Орел В. Н. Атаман Кухаренко и его друзья. Краснодар: Изд-во ТИМПНИ, 1994.
12. Петрова Н. В. Эволюция понятия «прецедентный текст» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 2. С. 176–182.
13. Полякевич Л. А. «Тамань» Лермонтова, «Воры» Чехова и интертекстуальность // Чеховиана. Из века XX в XXI: итоги и ожидания. М.: Наука, 2007. С. 374–386.
14. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 17-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 13.
15. Спачиль О. В. «История лейтенанта Ергунова» И. С. Тургенева и «Воры» А. П. Чехова: опыт сопоставления // И. С. Тургенев: русская и национальная литературы: материалы междунар. науч.-практ. конф. Ереван, 26–28 окт. 2013 г. Ереван: Лусабац, 2013. С. 670–688.
16. Спачиль О. В. Путь пустого человека: от лейтенанта Ергунова Тургенева к фельдшеру Ергунову Чехова // А. П. Чехов: пространство природы и культуры: сб. материалов междунар. науч. конф. Таганрог, 11–14 сент. 2013 г. Таганрог: Изд-во «Лукоморье», 2013. С. 385–395.
17. Толстой А. Н. Полное собрание сочинений: в 15-ти т. М.: Гослитиздат, 1949. Т. 13. С. 427–428.
18. Третьякова Е. Ю. Тактико-стратегические задачи просвещенных реформ печати и модель «журнала русского»: к 175-летию пушкинского «Современника» // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 4 (42). С. 115–119.

19. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Письма: в 12-ти т. М.: Наука, 1982. Т. 1.: Письма 1875–1886.

20. Чехов в воспоминаниях современников. М: Гослитиздат, 1960.

21. Rayfield D. Understanding Chekhov's: a critical study of Chekhov's prose and drama. Madison: University of Wisconsin Press, 1999.

«NO ONE HAS WRITTEN IN SUCH CORRECT, BEAUTIFUL AND SWEET-SMELLING PROSE»: M. LERMONTOV'S TAMAN AS A REFERENCE SPECIMEN OF RUSSIAN EPIC TRADITION

TRETYAKOVA, Elena – Dr. Sc. (Journalism), Prof., Department of the Russian and Foreign Languages and Literature, Krasnodar State University of Culture and Arts, Krasnodar, Russia

E-mail: drevo_rechi@mail.ru

SPACHIL, Olga – Cand. Sc. (Germanic Languages), Assoc. Prof., Department of the Department of English Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia

E-mail: spachil.olgao@gmail.com

By generalizing the comments on the outstanding merits of Lermontov's tale Taman left by many Russian writers (N. Gogol, D. Grigorievich, V. Belinsky, I. Turgenev, L. Tolstoy, A. Chekhov, I. Bunin, A. Tolstoy, N. Tikhonov), the authors are inquiring into the epic nature of the novel A Hero of Our Time, thereby raising the need to bring up (revive actively) epic mentality in the contemporary native speakers of Russian. The epic nature of the Russian lingual mentality has been shown on the example of Taman as a reference example of a Russian classic text studied in the frameworks of high- and higher-school curricula in Literature.

Keywords: *M. Lermontov's tale Taman, Pushkin tradition, epic text of Russian literature.*

References:

1. A.L., [A. Lukanina] Moya znachnost' s Turgenevym. Zapisi 1878–1883 gg. (My Acquaintance with Turgenev. Entries of 1878–1883), *Severnyy Vestnik*, 1887, no. 2, p. 54.

2. A.P. Chekhov. *Entsiklopediya*, (Anton P. Chekhov: Encyclopedia), Kataev, V. B., Ed., Moscow: Prosveshchenie, 2011.

3. Aleksandr i Anton Chekhov: *vospominaniya, perepiska*, (Alexander and Anthon Chekhov: Memoires, Correspondence). Moscow: Zakharov, 2012.

4. Bitsilli, P. M. *Tvorchestvo Chekhova* (The Creativity of Chekhov), in *Tragediya russkoy kul'tury: issledovaniya, stat'i, retsenzii.*, Moscow: Russkiy put', 2000, pp. 204–417.
5. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochineniy v 14 tomakh* (Complete Works in 14 volumes), 14 vols., Vol. 8, Moscow: Akad. Nauk SSSR, 1952.
6. Zholkovskiy, A.K., *Semiotika "Tamani"* ("The Semiotics of Taman"). <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/book/bluzh/taman.htm>. Accessed October 25, 2014.
7. Karaulov, Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian Language and the Linguistic Personality). Moscow: LKI, 2007.
8. Kukhareno, Ya. G. *Perepiska s sovremennikami* (Correspondence with the Contemporaries), *Rodnaya Kuban'*, 1999, no. 3, pp. 104–114.
9. *Lermontovskaya Entsiklopediya*, (The Lermontov Encyclopedia), Manuylov, V.A., Ed., Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1981.
10. Leusheva, S.I. *Lermontov i L. Tolstoy* (Lermontov and Tolstoy), in *Fundamental'naya Elektronnaya Biblioteka "Russkaya Literatura i fol'klor"*. <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/tvl/tvl-395-.htm>. Accessed October 25, 2014.
11. Oryel, V.N. *Ataman Kukhareno i ego druz'ya* (Ataman Kukhareno and his Friends), Krasnodar: TIMPANI, 1994.
12. Petrova, N.V. *Evolutsiya Ponyatiya «Pretsedentnyy Tekst»* (Evolution of the Concept "Precedent Text"), *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2010, no. 2, pp. 176–182.
13. Polyakevich, L.A. "Taman" Lermontova, "Vory" Chekhova i Intertekstual'nost' (Lermontov's "Taman", Chekhov's "Thieves" and Intertextuality), in *Chekhoviana. Iz Veka XXv XXI: Itogi i Ozhidaniya*, Moscow: Nauka, 2007, pp. 374–386.
14. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 17 tomakh* (Complete Works in 17 Volumes), 17 vols., Vol. 13, Moscow: Akad. Nauk SSSR, 1949.
15. Spachil', O.V. "Istoriya leytenanta Ergunova" I.S. Turgeneva i "Vory" A.P. Chekhova: opyt sopostavleniya ("History of Lieutenant Yergunov" by Ivan S. Turgenev and "Thieves" by Anton P. Chekhov: the Experience of Comparison), in I.S. Turgenev: *Russkaya i Natsional'naya Literatury*, Yerevan: Lusabats, 2013, pp. 670–688.
16. Spachil', O.V. *Put' pustogo cheloveka: ot leytenanta Ergunova Turgeneva k fel'dsheru Ergunovu Chekhova* (The Way of Empty-headed Fellow: from Turgenev's Lieutenant Yergunov to Chekhov's Hospital Assistant Yergunov), in A. P. Chekhov: *Prostranstvo Prirody i Kul'tury*, Taganrog: Lukomor'e, 2013, pp. 385–395.
17. Tolstoy, A.N., *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 tomakh* (The Complete Works in 15 Volumes), 13 vols., Moscow: Goslitizdat, 1949.
18. Tret'yakova, E.Yu. *Taktiko-strategicheskie zadachi prosveshchyennykh reform pechati i model' "zhurnala russkogo": K 175-letiyu pushkinskogo "Sovremennika"* (Tactical and Strategic Objectives of En-

lightened Reforms of the Press and the Model of "Russian Magazine": Dedicated to the 175th Anniversary of Pushkin's "Contemporary"), *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2011, no. 4 (42), pp. 115–119.

19. Chekhov, A.P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t.* (The Complete Works and Letters in 30 Volumes. Letters in 12 Volumes), 30 vols., Vol. 1. Moscow: Nauka, 1982.

20. *Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov* (Chekhov in the Memoires of His Contemporaries). Moscow: Goslitizdat, 1960.

21. Rayfield, D. *Understanding Chekhov's: A Critical Study of Chekhov's Prose and Drama*, Madison: University of Wisconsin Press, 1999.

Л. П. Голикова¹,
М. В. Шаройко²

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ СПЕЦИФИКА ПОЭМЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ВАЛЕРИК»

«Валерик» М. Лермонтова осмысливается в контексте исторических событий, отраженных в поэме. Приводится дискуссия по поводу жанровой идентификации произведения. Содержательные интенции большого количества разнохарактерных рассказчиков, проанализированных в данной статье, указывают на основной полифонический принцип философского осмысления М. Лермонтовым событий на Кавказе.

Ключевые слова: поэма М. Лермонтова «Валерик», проблема личности и личной свободы в контексте мировых катаклизмов, исторический дискурс, вопросы жанровой идентификации, полифоничность произведения.

11 июня 1840 года, ровно за год и четыре дня до смерти, поручик Михаил Юрьевич Лермонтов принял участие в сражении русского отряда с кавказскими горцами-чеченцами при реке Валерик. Как известно, в этом сражении он отличился

¹ ГОЛИКОВА Лариса Порфирьевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия. Электронная почта: ma-ra@bk.ru.

² ШАРОЙКО Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия. Электронная почта: ma-ra@bk.ru.